

*Император Галерий:
Нацлидер и ставленник тетрарха
Книга вторая*

*Лавры не жухнут,
если они пуржие*

Айдаг Сабалаускас

18+

Айдас Сабаляускас

**Император Галерий: нацлидер
и ставленник тетрарха.
Книга вторая. Лавры не
жухнут, если они чужие**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Айдас Сабаляускас

Император Галерий: нацлидер и ставленник тетрарха. Книга вторая. Лавры не жухнут, если они чужие / Айдас Сабаляускас — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-09001-9

Вторая книга из серии "Император Галерий: нацлидер и ставленник тетрарха". Восточный цезарь Галерий, женатый на дочери Диоклетиана, мечтает стать безраздельным владыкой Рима, раскинувшегося на двух континентах и в трёх частях света. Рим вырастает из глубокой античности, но монолитом лежит в основе нашей цивилизации. Он твёрд и строг. Напротив, нынешние времена навевают ощущение непрочности. Роман — "мозаичный калейдоскоп" с прихотливым сочетанием сюжетных линий и переплетением судеб героев и богов. История на манер античных мифов с сатирой и рефлексией над днём минувшим и нынешним.

ISBN 978-5-532-09001-9

© Айдас Сабаляускас, 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Рефлексия Галерия-1	6
Гипнотические сказания-1 о Царе царей Ардашире	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

*Мальчишки и девчонки! А также их родители!
В весёлую историю вчитаться не хотите ли?*

роман-фантазия
роман-стёб
роман-сатира
роман-сарказм
роман-ирония
роман-шутка
роман-абсурд

Традиционно и соблюдая правила хорошего тона, принято высказывать признательность друзьям и не причастным за неоценимую помощь, оказанную в подготовке рукописи данной книги.

Мои благодарности за личные консультации всем великим мира сего: Геродоту, Гераклиту, Гомеру, Павсанию, Апулею, Еврипиду, Овидию, Плутарху, Цицерону, Ливию Андронику, Ювеналу, Флавию Вописку Сиракузянину, Руставелли, Табари (Та-бари), Фирдоуси, Виктору Аврелию, Аммиану Марцеллину, Кабиру, Бианту, Чосеру, Шекспиру, Кальдерону, Шамраю, Сервантесу, Смиту, Джону Актону, Нагорскому, Гёльдерлину, Кёрнеру (Карлу Теодору), Монтескье, Гёте, Метерлинку, Стивенсону, Дюма, Бомарше, Канту, Талейрану, Крылову-баснописцу, Пушкину, Лермонтову, Гоголю, Моголю, Грибоедову, Тургеневу, Бальмонту, Салтыкову-Щедрину, Чернышевскому, Андерсену (сказочнику), Диккенсу, Некрасову, Толстому, Тютчеву, Франсу, Дюркгейму, Эдисону, Кафке, Чехову, Бунину, Горькому, Есенину, Блоку, Маяковскому, Пастернаку, Булгакову, Ильфу и Петрову, Прокофьеву (Александру), Лецу, Кэрроллу, Тагору, Михая Себастиану, Фриденлендеру, Раневской, Берулаве, Цветаевой, Барто, Маршаку, Когану, Чуковскому, Мичурину, Твардовскому, Аждайку, Шварцу, Бернесу, Ахмадулиной, Фуллеру, Роберту Грейвсу, Смагиной, Волохонскому, Гамзатову, Аксёнову, кинорежиссёру Гайдаю, Окуджаве, Бродскому, Высоцкому, Евтушенко, Токареву, Михалкову-отцу, Цою, Земфире, Щербе, отцу Меню, Банникову-историку, польскому историку Кравчуку, Бутрину, Шебаршину (из КГБ), Черномырдину, Малеру, Харанаули, Джону Аллену, Зыгарю, Олегу Тихомирову, Ваенге, Световой, Данченко, режиссёрам и сценаристам советских и российских фильмов, поэтам-песенникам и висельникам, и разным прочим шведам. Отдельно — Википедии. И ещё многим тем, кого помнил, но случайно забыл.

Это всё мои друзья до гроба, пусть не грустят и не обижаются.

Все персонажи и события, описанные в книге, являются полным художественным вымыслом. Любые совпадения с реальными людьми и событиями, если кто-то их и обнаружит, носят исключительно случайный характер: ни в коем случае не надо воспринимать на свой счёт или на счёт соседа.

Рефлексия Галерия-1

«Шепнуло небо тайно мне в минуту вещего прозренья:

“Веленья гневные судьбы, ты думаешь, мои веленья?

Когда бы властно было я во всех деяньях бытия,

Я прекратило бы давно своё бесцельное круженье!”...»

Омар Хайям. Рубайят

Из Тартара, заполняя мир одной собой, грациозно и грандиозно явила себя всему сущему претендующая на первоисточник бытия Богиня темноты Нюкта-Нокс. Тихая римская ночь постепенно, с небольшими задержками по времени, словно прозрениями и тут же затмениями, опускалась на земную твердь имперской Малой Азии, Ближнего Востока, Запада, Африки и на всю остальную Вселенную подобно тому, как в далёком грядущем она светлой и печальной печатью ляжет всего лишь *на холмы Грузии*.

Тартар, откуда явилась на поверхность Земли Богиня ночной мглы, был местом мало-привлекательным и более того – ужасным. Ужасней, чем Аидово царство теней. В Тартаре под охраной пятидесятиголовых и сторуких исполинов-гекатонхейров тысячелетиями томились несчастные неудачники-аутсайдеры — Кронос-Сатурн со своей супругой Реей-Опой (иногда Опа была ещё и Кибелой), кровные родители Зевса-Юпитера, и прочие титаны, тоже родственники: и меж собой, и с Громовержцем. Главный Олимпиец жёсткой рукой лидера загнал туда всех своих прямых предков и старшую родню после жестокой битвы-титаномахии: старшее поколение небесных властителей проиграло, а *победителей не судят*. Тартар был изолирован от всех иных сущностей, даже от Аидова царства бессмертных душ, тройным слоем Эреба, Бога мрака, а чтобы уж окончательно застраховаться от форс-мажоров и побега невольников – мощными медными стенами и воротами, собственностью Посейдона, Бога морей и океанов, который тоже был сыном Кроноса и Реи, и братом Зевса.

Однако, как ни странно, Нюкта, рождённая Хаосом и Мглой, могла свободно выбираться из Тартара и перемещать свой энергетический сгусток на Землю. Как у неё получалось это делать и почему ей никто не препятствовал – одному Юпитеру известно, да и то не факт. Ровно так же свободно в это время с Земли, завершив отмеренный ей полусуточный срок, проникала в Тартар, чтобы отдохнуть от трудов праведных Гемера, Богиня дня и дневного света. Так, чередуясь, то ли родные сёстры, то ли мать и дочь, сменяли друг друга на *полносудочной вахте*. Труженицы *жизни и по жизни*.

Галерий, словно под напором импульсов, в порыве оседлав коня, в романтическом возбуждении промчался, до смерти зашибив двух случайных прохожих-полуночников, по узким улочкам старых малоэтажных кварталов Никомедии, домики внутри которых с трудом взбирались-карабкались по гористым склонам Вифинии, местами пологими, местами отвесно и *упруго крутыми*.

Одна за одной выются улочки-змеи. *Дома – вдоль каждой змеи.*

«Улица – моя! Дома – мои! Я тут царь-государь... эээ... пусть и второй по степени важности!» – словно сначала раскатав губу, а потом тут же закатав её обратно, подумал Галерий.

Оставив за спиной крепостные стены впадающего в ночную спячку города, цезарь стремительно покинул и его засыпающие окраины, и выехал в долину – *в поле*.

Никомедия – резиденция восточного августа Диоклетиана, почти Второй Рим – неширокой полоской протянулась вдоль берега Мраморного моря. Долина прежде Астакского, а ныне Никомедийского залива, являющегося частью этого моря, помимо скалистых гор и бесчисленных холмов, вместила в себя не только сам город, но и сказочно-чудное пресное озеро, куда сейчас и устремлял свой ход Галерий. Плато, внутри которого уютно угнездилась долина, вплоть

до Чёрного моря было испещрено паутинкой речных русел, больших и малых. Его уклон, уверенно и не терпя возражений, направлял течение и сток горных вод строго с юга на север в сторону Гипербореи.

Даже тридцатый меридиан подобрался поближе к имперской резиденции главного тетрарха, то ли подталкивая Никомедию к официальному объявлению статуса столицы в пику Вечному граду, то ли, напротив, сам пытаюсь к нему приобщиться: да и холмов, поглощённых застройками Никомедии, тут было явно поболее, нежели семь, на которых раскинулся Первый Рим. Все признаки новой столицы были налицо!

Малоазиатский город, расположенный на месте тектонического разлома среди крутых Вифинских гор, подверженный селям, оползням и даже землетрясениям, о которых до поры до времени никто не задумывался и оттого их не боялся, всё дальше и дальше удалялся от цезаря – вернее, мужчина сам отталкивал его от себя посредством мечущихся в центробежном галопе копыт своего скакуна.

На глазах вырастающие очертания снежной вершины подсказывали цезарю, что он приближается к водоёму. Туманной синеватой белизной рвущаяся к небесам горная макушка, словно экивоками, намекала провидцам на то, что Никомедия никогда не станет Вторым Римом, а город-истинный наследник находится всего-то в шестидесяти милях от нынешней резиденции Диоклетиана, что сейчас этот город зовётся Византием – ему и суждено под метафорой Второго Рима, Константинополя, войти во всемирную историю. Однако Галерий, как бы ни пыжился, не понимал туманных намёков – ему требовались прямые и ясные прорицания, изречённые устами патентованных языческих оракулов и прочих жрецов с лицензией или с сертификатом качества.

В памяти младшего восточного императора стали всплывать, сменяя одна другую, сценки и ностальгические картины детства, отрочества и... иллирийских пастбищных просторов. До Иллирии сейчас, как ни крути, не близко: ринься Галерий туда в эмоциях и, не слушая здравого голоса рассудка, – и до утра в Никомедию уж никак не вернуться, август и подданные потеряют или, хуже того, забудут своего цезаря. Однако же Балканы берегут душу низковольтными покалываниями, ибо *ум с сердцем не в ладу!*

Пришпорив скакуна до карьера и на едином дыхании проскакав несколько миль, цезарь одним махом выпрыгнул из седла и, взяв животное за уздечку, зашагал своим ходом, пешком, собственными нижними конечностями, напиваясь ночной свежестью и прохладой: *«Выйду ночью в поле с конём, ночью тёмной тихо пойдём, мы пойдём с конём по полю вдвоём...»*. Впрочем, долин хватало, а вот римского поля в Вифинии ещё надо было поискать, как днём – с огнём, но *кто ищет — тот всегда найдёт*. Что поле, что долина – всё равно.

А вокруг – тишина, а вокруг – ни души, только что-то время от времени посвистывает, пощёлкивает, пострекочивает и даже, словно не дикая, а домашняя *уточка в пруду*, побрякивает: *«Здравствуй, римское поле, я твой тонкий колосок!»*

Остановившись и часто-глубоко заглатывая перенасыщенный озоном воздух, Галерий рухнул на спину, на пучки травы, разостлавшей на земной тверди вперемежку с мелкими камешками, галькой и песком. Не заметив десятков подавленных и покалеченных мелких насекомых-животин, в неге широко раскинул руки: весь распахнулся навстречу грядущему и Божественной Вселенной. Эх, лепота! *Тучки небесные – вечные странники, мечтаеть вы, будто...* Стоп! Нет, не тучки, а рассеянные облака: их редкие перисто-слоистые клочья не скрывали бесконечность и бездонность тёмного неба, усеянного мириадами звёзд и всего одним, самым крупным в данный момент кривым пятном — остророгим полумесяцем. Цезарь избуравил небесные вышины взглядом, пытаюсь поймать, выловить оттуда всепроникающий и всепонимающий взгляд Божественной, но такой родной Юноны. *Мисюсь, где ты, и где твой дом с мезонином?*

Искровой разряд ненадолго погасил напряжение, и разжатые пальцы его рук стали *то ли ватными, то ли вышиватными*: в свете ночных светил кисти казались венозно-бордовыми и вдруг напрочь отказались повиноваться своему хозяину – лишь слабые и тщедушные подвигивания, пошевеливания.

«*Дух бродяжий! Ты всё режешь, режешь расшевеливаешь пламень уст! О, моя утраченная свежесть, буйство глаз и половодье чувств!*», – воскликнул в небеса император. Стояла тихая римская ночь. словно от древних укров явилась. Галерия передёрнуло: некстати вспомнилось, что ровно неделю назад селяне, горожане и мирные старики на свою жизнь ему не жаловались, а в среде бездельников и бездарей словно вызрело недовольство.

«Если вышиватник съел ватника, то это акт патриотизма, а если ватник вышиватника, то это канныализм. Вот только никак не могу понять, причём тут либерализм?» – мелькнуло в сознании Галерия: словно и не его мыслью это было, а чем-то наносным с восточных границ империи.

Пальцы рук упрямо настаивали на своём и продолжали не слушаться собственного владельца, пользователя и распорядителя.

«Или я не хозяин членам своего тела? Уж не диверсия ли это супротив моей личности? Или против материи? Или против империи? Впрочем, нет, маловероятно, просто сейчас моя мнительность разыграла. Кажется, упражнениями с мечом и щитом за день перезанимался, – подумал младший восточный император. – Я истый ромей, но *не Байрон, я другой, ещё неведомый избранник!* С мечом или на щите? С мечом или на мече? Кажется, опять мимо. Я не имею права промахиваться! Даже наедине с самим собой! *Со щитом или на щите!!!* Вот! Попал! В самое яблочко! Однако я всё равно не грек!»

Он цезарь – победитель, но словно сидел в луже крови. Пурпурной. Опять мнительность? Галерий внимательно осмотрел свои непослушные пятерни, прикрытые лишь полумраком и ласкаемые с небес отсвечиваемыми отблесками едва различных серебряных струек.

«Показалось. Перенапряжение. Дневная усталость. Луж, ни обычных, ни багрянцевых, поблизости нет. Сухо *вокруг, только не спит барсук*. Да и не сижу я, а крепко стою на своих двоих! Впрочем, сейчас просто лежу и отдыхаю от мирских забот. Какой кайф! *Есть только миг между прошлым и будущим – именно он называется жизнь*. Сегодня ночью этот миг настал, потому что я сказал – *люминий!* Не люблю повторять по два раза, но часто приходится и по три. О, великая супруга Юпитера, где ты? Объявись! Отзовись! Откройся, как прежде! Яви себя!», – думал и мечтал цезарь, подушечками двух пальцев уже намерено давя и размазывая пару-тройку (кто ж их будет считать!) мелких червячков, выползших неведь откуда: может, это мать сыра земля избыточную инородность из своего тела исторгла.

Мысли его скакали по кочкам и буеракам.

Мужчина, словно в пучину, стал ещё глубже погружаться в воспоминания *времён мальцовства и юнцовства*, – в то давно размытое и отчасти безжалостно потёртое памятью, а оттого практически исчезнувшее и ставшее мифическим прошлое, в котором матушка, не щадя *жизноты своего*, выхаживала сына, когда он или симулировал болезнь, или реально хворал после жестоких драк и побоев, отпаивая какими-то противными на вкус отварами, но нащёптывая при этом про Божественный напиток, который называла нектаром. Так это слово с детства в память и впечаталось. Даже собственную дочь, Галериеву сестру, Ромула в эти дни напрочь забывала, отодвигала, отторгала, предоставляя её самой себе, словно не родную, а чужеродную. Стоп, что-то не складывается, не склеивается: а матушка ли это шептала? Вроде и не она, ибо голос был как будто низким, не женским, без ласки, присущей слабой половине, даже если эта половина не человеческая, а сверхъестественная. Впрочем, может, просто так казалось тогда, давным-давно, а голос на самом деле был высоким, но сдобренным полутонами и нотками, не позволяющими с ходу определить пол или даже физически-метафизическое происхождение источника звука. Так кто же или что это было? Может, некое Божество, взирающее на него, то

на ребёнка, то на отрока, выше? Или два разных сверхъестественных существа (одно – мужского с рогами и копытами, другое – женского пола), словно сам Рим, слились в мозгу слабого смертного в единое целое? Как разобрать? Как вытащить из детской памяти недетскую истину в последней инстанции?

– Это Юнона, сестра и жена великого Юпитера-Зевса! Они парой восседают на троне горы Олимп и правят миром, – так не раз говаривала во времена оны Ромула, и цезарь вспомнил незатейливые, деревенские, клишированные, шаблонные, но волнительно-волшебные, как неиспробованный нектар Олимпийцев, слова матери — простой сельчанки, тоже рогулихи.

«Но, может, матушка ошибалась, и это был сам Юпитер, верховный Бог всего Пантеона? А вдруг? Чем Он не шутит? Только вот... он безрогий и бескопытный», – думал Галерий и тут же отбрасывал эту мысль прочь, как крайне сомнительную, некомпетентную и даже несостоятельную.

Император снова прогулялся по небесам бойким *расширенным* взглядом: из одного конца в другой и обратно. Как приятно, когда не мучают державные заботы, вот только пальцы совсем отказали, словно тормоза у скакуна, когда его удавалось разогнать до карьера. В который уже раз цезарь зрачками повторил эту круговерть: *всё возвращается на круги своя*. Время, как и пространство, тоже было *сбито в кольцо*. Небосвод так необъятен, что недолго и утонуть в нём ненароком, захлебнувшись в атмосфере водянистого пара-коктейля из рваных белёсых облаков, тьмы тьмущей звёзд и одного-единственного серебристо-немолоткастого серпа. Галерию даже показалось, что созвездие Рака, словно подавая таинственный сигнал, пошевелило ослиными ушами и чересчур отчётливо фыркнуло. И даже неоднократно зафырчало. Нет, не этого он ждал, идите-ка вы прочь, все знамения и символы неблагородной и упрямой скотинки! Брысь отсель! Галерий глянул на своего коня и тут же осознал: в реальности звуки издавал его скакун, но кто же тогда в небесах шевелил ушами? Быстро, логичного и содержательного ответа в рогульском сознании не нашлось, кроме наиболее простого и формального: «*Все мы немножко лошади, каждый из нас по-своему*». Цезарем само собой разумелось, что ослами, как и рабами, были не «мы», ибо *рабы не мы*.

Император тяжело вздохнул и продолжил искать глазами супругу Юпитера, свою давнюю покровительницу: только эта версия, навеянная воспоминаниями об иллирийских (а впрочем, может, и дакийских) пастбищах из детства, отрочества и юности, казалась ему наиболее состоятельной и в данный миг желанной, как *манна небесная*.

Снежная горная вершина, словно подражая Олимпу, продолжала рваться ввысь. Лесистая флора подножия, распадков и ущелий красовалась вязами, каштанами, дубами, платаном, ивами, клёнами, ольхой, лещиным орешником, бересклетом, рододендромом, кое-где – буками и терновником. Чернела в темноте дикорастущая зелень. Пестрели какие-то мелкие цветы (ноздрями Галерий уловил даже аромат цветочной пыли), еле шевелился папоротник-орляк: безветренно. Флора была смешанной.

Названий большинства растений цезарь не знал, хоть и был изначально сельчанином-хуторянином (впрочем, до конца жизни так и не узнает): пожалуй, впервые их заметил тут, в Вифинии, и оценил естество прекрасного. «*Свой тайный смысл доверяют мне предметы. Природа, прислонясь к моим плечам, объявит свои детские секреты*», – музыкой заиграло в голове Галерия, но словно опять и не его мыслью это было, ибо сам удивился. В извилинах что-то зашебуршало и ёкнуло.

Пальцы рук постепенно оттаивали от онемения и начинали слушаться хозяина. Галерий протестировал их полное выздоровление, резким движением руки сорвав рядом с собой пучок травы. Вырвал с корнями. Обрезался: тонкая струйка жидкого багрянцевого пурпура скатилась по руслам-узорам папиллярного рисунка ладони и оросила собой земную твердь.

«Да и не Юнона я...» – внезапно всплыло нечто потаённое из глубин его памяти, прежде как будто не принятое во внимание или не расслышанное, но точно в момент изречения не прочувствованное.

Зрачки Галерия расширились от хаотичных ассоциативных вспышек – воспоминаний, сердце, как в кузне, динамично, часто-часто, заколотилось молоточками, и ему захотелось повить на лунный серп: «Я как собака рву свою судьбу и добровольно принимаю муки». Никогда такого не было и – вот опять! Так бывает?

Пока ты смотришь в бездну, бездна всматривается в тебя.

Откуда-то с гор раздался звериный вой. Рыдал одинокий волк, проворонив лакомую и жирную добычу? Скакун Галерия снова зафырчал, но ослиные уши с небес на этот раз никак себя не проявили и не просигналили.

«Где ты, могучая Богиня? Почему молчишь, о, великая моя бабушка? Ты отступилась от меня? Именно тебя, а не кого-то другого жаждут сейчас мои сердце и душа, чтобы успокоиться и для *слабительной улады*, – мысленно воззвал цезарь к всеильной супруге Юпитера. – Или теперь на Олимпе у меня остался только отец Марс, даровавший мне, своему сыну, победу над тираном Нарсе и его звероподобными персами? Он-то от меня не отворачивался! Просто сейчас персов рядом не стоит, другая повестка дня... эээ... ночи, иначе бы я не к тебе, а опять к нему обратился бы мои помыслы и воздел свои руки».

Снова откуда ни возьмись появился червячок, и Галерий опять – как же хрупка жизнь, хрупка одним мигом! – раздавил его и растёр меж пальцев кисти, начав думать, ассоциативно зацепившись за крючок, о Марсе-Дракон: «Мой Божественный отец бессмертен. Ведаю: чтобы победить Большого Червя, Драконом быть достаточно. А чтобы победить Дракона, даже Большим Червём быть мало, силёнок не хватит, масштаб личности не тот».

Мужчину ужаснула самопроизвольно родившаяся в его мозгу мысль: «Для этого надо быть возмужавшим сыном Дракона. *Мои мысли – мои скакуны, вы как годы уносите прочь*. Эх, залётные! Вперёд! О нет, нет, нет, я не отцеубийца! Дракон непобедим! Марс бессмертен! Слышал я, что Дракон – это то же самое, что и Большой Червь. Но, *как пить дать*, это не моя мысль, это наветы от лукавого, хоть и не знаю, кто такой лукавый. Может, это козлорогий и козлокопытный Бог Фавн-Пан? В любом случае сын никогда не подымет руку на своего Божественного батьку. Ох, *мои мысли, вы аллюром несётесь и не признаёте узды* в отличие от моего мерина!»

В сознании цезаря опять же ассоциативно всплыли мифологические воспоминания о паре пар Божественных отцов и детей. Ох, уж эти *отцы и дети*! Пары-то было две, но в сумме Богов было не четверо, а трое: дед, сын и внук. Сначала промелькнули Уран-Целум и Кронос-Сатурн, потом – Кронос-Сатурн и Зевс-Юпитер. Вот где проявились все семейные дразги, конфликты поколений и безжалостная борьба за превосходство, доминирование и власть.

Галерий, словно малохольный ботаник, нервно отмахнулся – в этот раз не замахал руками, а именно отмахнулся, одноразово – от скакунов-видений и снова попытался поймать взгляд Божественной Юноны, вкруговую повертев глазами по сине-чёрному небосводу с белёсыми клочьями облачков, тьмой-тьмущей пылающих звёзд и одним хилым и неожиданно одряхлевшим, дряблым полумесяцем. Весь напрягся, принялся, вызывая к глубинам детского мироощущения, болезненно беречь фантазию, старые и свежие боевые раны, почти бредить, впадать в транс, *вопить душой*, чтобы хотя бы в галлюцинациях ощутить Её присутствие рядом. Ничто не помогало. Ни один прежний рецепт оракулов, астрологов и астрономов-мошенников. Не являла сверхъестественная матрона своего нетленного олимпийского образа.

«А может, ты, о Юнона, на ночь сама покорилась Гипносу или его сыну Морфею, ниспославшим на тебя свои сны-грёзы, или... просто отвергла меня, отвернулась? Или наслаждаешься нектаром и амброзией? Как ты можешь получать наслаждение, когда я страдаю? О, как я сейчас страдаю! За весь род человеческий! Ну, не молчи же! Яви свой Божественный если

не лик, то знак, подай сигнал, я пойму, что они означают и как их интерпретировать! А коли отвергла и отвернулась, то скажи прямо, в чём я провинился? Не лукавь! Не увиливай! Чем я виноват? Может быть, победой над Нарсе и его персами или своими мыслями о Нацлидестве при живом царе? Но неужели ты думаешь, что я *царь ненастоящий*?! Да какое ты право имела так подумать?! Неужели мы только вдвоём с конём будем бродить по этому полю, по этой долине? *Не отрекаются, любя*. Уже понимаю, что мой *люминий* мне тут не помощник, хоть до десятка повторов дойду. А может, ты молчишь потому, что считаешь мои завывания... эээ... воззвания... эээ... взывания к тебе неискренними, лишь *для блезира*?», – *лѣжа* и ворочаясь на траве, думал Галерий, тяжело вздыхая и вдыхая доносившийся то с озера, то с Мраморного моря щекочущий ноздри запах воды, перемешивающийся, словно воздушный коктейль, с ароматами деревьев и трав и *утоляющий жажду лёгких*, но не сердца и не истерзанной ожиданием души.

Пока ты смотришь в бездну, бездна всматривается в тебя: бледный и ущербный серп-полумесяц вдруг стал превращаться в полную ярко-серебряную царицу ночи – круглый диск луны. Это явила свой светлый благородный драгоценно-металлический лик сестра-близнец Аполлона — Божественная девственница Артемида, облачённая в короткий хитон и с покрытой полумесяцем, словно короной, головой. Однако зрению цезаря Богиня охоты, целомудрия и плодородия была недоступна. Если бы Галерий воочию увидел не просто луну, а саму Артемиду, то непременно бы воодушевился её ослепительно *восхитительной*, как штаны Диоклетиана и как его собственные штаны, красотой и воскликнул бы: «А во лбу звезда горит! *Величава, будто пава*! Ты моя *прелесть*!». Но абриса сестры Аполлона, истинной Олимпийки, в небесах наяву не вырисовывалось, да и не этой *дамы сердца* он ждал: бабушки ведь тоже могут быть по сердцу своим внукам.

«Я брежу?» – подумал Галерий, нещадно *авторитаря* и даже тираня свои очи созерцанием того, как *бессмысленно кривящийся и ко всему приученный диск* постепенно обрастает нимбом, наливается сначала тревожным кровавым багрянцем, а затем всеми радужными, веселящими глаз и на краткие миги успокаивающими душу цветами. – Да тут *не горы, не овраги и не лес, не океан без дна и берегов, а поле чудес*! Где же я сейчас нахожусь?». При этом оглядел и горы, и овраги, и лес. Разве что вместо океана перед глазами, поплёскивая и поблѣскивая, представало озеро.

– Да, в такой вот стране! Именно в ней, я бы даже сказала, *в нём* и находишься! – словно подтвердил женский глас свыше какую-то крамольную мысль, но источник звука визуально не проявился. – Но тебе ли от этого страдать? *В стране слепых кривой – король*!

Внезапно ночная радуга перевернулась, образовав *зенитную дугу*, и вся замерцала-запелливалась: одни цвета стали пропадать, другие моментально проявляться, словно заиграла светомузыка. Звёздные небеса безбоязненно и безболезненно для себя забавлялись и шалили с неразумным смертным, источая яркие белые кольца, красочные крупные и мелкие пятна и столбы разноцветного света, упирающиеся в земную твердь, но проникающие сквозь воду. Это была дикая пляска эфира, ночных светил, их отражений и сияний, тоже своего рода коктейль: будто бы ионический танец или пирриха – сама Матильда так не спляшет, не говоря уже о её воспитанницах-недовесталках.

Заворожённый глядел цезарь в неземное обиталище Богов, словно сорвавшихся с «цепей» Олимпа и взмывших во Вселенную покуролесить. На его глазах темнота и световые лучи вскоре сложились столь причудливой комбинацией, что превратились то ли в грозный боевой меч-гладиус, то ли в страдальческий крест имени великомучеников и страстотерпцев. Что означал этот знак? Какой культурный символ предвизантийской эпохи? Римское непобедимое оружие или галилеянский фетиш? *Дай ответ! Не даёт ответа!* Раздолье для интерпретаций.

Картинки продолжали сменять одна другую, местами даже подражая калейдоскопу, имитируя его, наслаиваясь друг на друга то с черепашьею, то с бешеной динамикой. Всего несколько мгновений – и вот уже ночная мгла озарилась не одной, а четырьмя серебряными лунами, словно вырвавшимися из зажимающих их прежде тисков цельного ореола. Будто бы *темницы рухнули, и свобода их приняла радостно у входа*. Над Вечным и необъятным Римом засияло четыре Фебы: вокруг каждой, *как жар горя*, четырёхразово, расколов цельность, расплескался собственный нимб. А многократно преломленные и перемешанные, словно *в доме Облонских*, лучи перестали быть отдельными цветами спектра и вот уже превратились в единую и неделимую, как сам Вечный Рим периодов своего расцвета, ослепительную белизну. Цезарь зажмурился, словно от вспышки солнца, ста тысяч солнц. Пророчество?

– И это вижу только я? Всё это только для меня одного? – вырвался возглас из Галерия. Он оглянулся. *А вокруг – тишина, а вокруг – ни души*, только что-то время от времени, как и прежде, посвистывает, пощёлкивает, пострекочивает. Но уже без побрякивания *одомашненных уток*.

Волшебство, колдовство – да и только! Знак Юноны, иного Бога или Богини, или всех Олимпийцев чохом? Дурное предзнаменование перед большой бедой, предсказание великого счастья или просто красивый сон, насланный на смертного то ли Гипносом-Морсом, то ли его сыном Морфеем? Как понять? Ни одного оракула или жреца вокруг, чтобы растолковать!

Цезарь, преодолевая лень и рефлексия, поднялся на ноги и, взирая в небо, медленной поступью, осторожно придвинул свою брэнность почти к самой кромке водоёма. Лунных светил в отражении мерцающей водной глади стало уже не четыре, а восемь. И... что это? Теперь и не восемь. Сколько же? Многократное преломление света, играющего с водой, словно со своей марионеткой, породило десятки Феб. Или уже сотни? Не только Феб, но и Фебок и даже Фебочек. Мир диверсифицировался, дробился на молекулы и атомы – *большого дробления* не только римляне, но и эллины не ведали: электроны, позитроны, нейтрино, кварки, фотоны, бозоны, глюоны и прочие *элементарные, истинно нейтральные и античастицы* жили в далёком грядущем. Однако это вовсе не значило, что их не было здесь и сейчас. Ещё как были!

Водная стихия тоже завораживала, втягивая в себя если не самого Галерия, то его восхищённые взоры. В глубине озера, поблёскивая рябью в лунном сиянии, красуясь своим великолепием и монументальностью, виднелся подводный лес – словно колыбался под тёмной водой.

«Неужели сейчас зима или период дождей? – мелькнуло в голове цезаря. – Что-то я не заметил, пропустил или, утонув в своих мыслях, как в этом небе или в этом водоёме, сбился со времени года? Ведь, если не входить в озеро, сухо *вокруг, только не спит барсук!*»

Галерий помнил: горный пресный вифинский водоём затапливал окрестную растительность вместе с вековыми деревьями только в периоды своих разливов – в холодное время года или когда беспробудно заряжали ливни.

«*Был месяц май – всё нынче как спросонку*», – снова промельтешило в голове царственного мужчины, быстро-быстро, словно мысль-белка. Или попросту *мысль*.

Он снова перевёл взгляд в небо, вбирая внутрь себя игру и шалости Богов и ночного размножившегося светила. А всего-то-навсего где-то в нижних слоях атмосферы, но в верхних – тропосферы, словно дети малые, разыгрались-разрезвились твёрдые водяные кристаллики, отражая, ломая, но не калеча лунный свет: это были не банальные *венцы*, а полноценный эффект *гало*, никак не отмеченный римскими летописцами, философами, историками, жрецами и поэтами в письменных источниках. Прозевали раззявы! Природное явление, согласно народным молвам, смеясь и *подпрыгивая*, «прорицало» ближайшее грядущее: то ли похолодание, то ли потепление вкупе с осадками.

Галерий ничего не знал о феномене гало, для него это было и колдовство, и волшебство, и знак Божественной Юноны – три в одном. К тройке с большой вероятностью добавлялся туз – Юпитер! – но другие Божества-Олимпийцы при этом, пусть и с меньшими шансами на успех,

тоже с ходу совсем уж не отвергались и не исключались. Цезарь и представить себе не мог, что в светлое время суток и в реальности солнечные гало обучены вытворять и не такие чудеса. И уж тем более не ведал, бывают ли вообще лунные аналоги солнечного гало, каковой сейчас ночью явил ему себя, или это уникальный случай, «единственный и неповторимый экземпляр», действительно сказочный сюжет, каких в действительности никогда не приключается.

И вдруг квалифицированное большинство Небожителей как будто сжалилось над восточным римским цезарем – контур Божественной дамы, словно после мучительных раздумий о судьбах родного Олимпа и сопротивлений со стороны Богов-тайных недругов, получив добро от самого Юпитера, соизволил снизойти до страдающего мужчины.

– Ты Юнона? – воскликнул ошарашенный смертный, горящими глазами узрев очертания женского Божества, будоражаще потряхивающего своими роскошными волосами и притягательно похлопывающего большими дивными очами.

Сверхъестественное полупрозрачное существо, казалось, растянув уголки своих губ, но улыбка была недвижима, как застывший в граните памятник – не чета маломощным мироточащим бюстам гомо сапиенс.

Что это? Кажется, всемогущая Богиня была не одна, а в компании. Кто же это *величавится* рядом с ней? То ли никого, то ли весь Совет Богов из самых элитных олимпийских персон: Юнона в этом Совете классически была одной из двенадцати. Ан нет, за ней будто бы маячит только две фигуры, а ни каких не одиннадцать. Тройка-семёрка, тройка-туз или семёрка-туз? Опять в молоко, а не в яблочко! Уж не мудрая ли любительница гладиаторских боёв Минерва-Афина по правую Юонову руку? И не фруктово ли овощная и урожайная Церера-Деметра по левую?

И точно – они, *курилки*, спутницы верховной Олимпийки! Абрисы Юоновой свиты стали явственней, отчётливей, но не заманчивей. Обе Богини, как и сама Юнона, сочились лучезарным светом: и впрямь как бестелесные.

Образ Цереры был печален, лицо кисло, как от надкуса третьесортного и к тому же подгнившего яблока, она чуть не плакала: то ли выдавливала из себя солёную слезу и действие не получалось, то ли, напротив, удачно её в себе удерживала.

«Я не голоден», – подумал Галерий и вдруг почувствовал, как резко засосало под ложечкой: словно неделю ничего не ел.

«Я давно не ребёнок», – снова подумал он, логически завершая свою мысль и желая спасти Цереру от неизбежной тоски.

Богиня по левую руку улыбнулась, словно беззвучно ответив: «И то верно, ты уже взрослый мальчик! Жаль, что рогуль».

«Наверное, она помнит моё трудное голодное и босоное детство с *чугунными игрушками*», – стало доходить до Галерия: Церера-Деметра всегда болезненно страдала, когда её взгляд падал на детей с пустыми желудками, сутками напролёт, даже во сне мечтающих о сухой корочке хлеба и о маковой росинке во рту, словно об амброзии и нектаре.

В жизни Богини урожая, второй дочери Сатурна-Кроноса и Опы-Кибелы (не забываем, что иногда Кибела была и Реей), однажды случился трагический и страшный эпизод: самый настоящий *Бого-киднэппинг*. Зудящей и незарастающей раной впечатался сей сюжет в чувства и мысли нескончаемой вечности Цереры. Собственно говоря, этот чудовищный случай и стал всей последующей жизнью Богини: Плутон-Аид влюбился в её дочь Прозерпину-Персефону, подло похитил, насильно женил на себе и поселил в своём подземном царстве-государстве, казалось бы, навеки укрыв от взоров матери. Прозерпина стала царицей-совладычицей державы теней. Скорбь и тоска Цереры из-за пропажи дочери были безутешны и безысходны: она стала чахнуть, словно смертная, жизнь бессмертной потеряла для неё всякий смысл, вкус и цвет. Вместе с Богиней урожая и плодородия в безутешности загоревала вся природа вокруг: земля стала засыхать, скукоживаться и тоже чахнуть. Поля обесплодились, кушать людям стало

нечего, а Аиду-Плутону всё шло только в плюс: лодочник Харон работал, не покладая рук, без перерыва на обеды и сны, переправляя души усопших через реку Стикс в пухшее, как на дрожжах, царство теней. Прозерпине-Персефоне тоже было *хоть бы хны* и даже прибыток: в полку её общих с супругом подданных лишь прибывало, держава прирастала мёртвыми, как у Чичикова, душами – и словно не было дочери никакого дела до страданий той, кто выносил её в своём чреве и породил на свет. Отчаявшись в собственных поисках и изысках, Церера взяла себя в руки и вспомнила, что она не лыком шита и у неё широчайшие связи во всех стратах Божественного сообщества. Как-никак она сестра Юпитера-Зевса, Нептуна-Посейдона, Юноны-Геры, Весты-Гестии да и самого похитителя Плутона-Аида! Подёргала за все возможные канаты, верёвки, шнурки и ниточки. Проела плешь самому Громовержцу так, что ему поневоле пришлось приподнять свой зад, оторвать его от Божественного олимпийского трона, вмешаться в семейный конфликт и убедить родного брата пойти на уступки и почётный компромисс. С тех пор одну половину или две трети года Прозерпина-Персефона стала проводить или на Олимпе, или, встраиваясь в небесное созвездие Девы, чтобы мать могла её лицезреть воочию. В это время земля пробуждалась то ли от спячки, то ли от умирания и расцветала, вскармливая своими плодами всё изголодавшееся народонаселение. Вторую половину или треть года Прозерпина снова спускалась в царство теней и посвящала супругу Плутону – тогда земля снова то ли засыпала, то ли умирала. Именно так, а не иначе сменялись времена года.

В этот момент Галерий, словно *грядущей кинолентой* прокрутив в голове историю Цереры и её дочери Прозерпины, оглядел природу вокруг себя. В окрестностях, как и прежде, посвистывало, пощёлкивало, пострекочивало, но без побрякиваний. Однако это нисколько не мешало стоять тишине и всеобщей ночной спячке (разве что барсук не спал). «Умирает или возрождается?» – немом-беззвучно вопрошало нечто, словно это был вопрос «*быть или не быть?*». Впрочем, Галерий был цезарем Римским, а не принцем Датским, потому и внимания на глупость не обратил.

«Что делают рядом с Юноной её спутницы Церера и Минерва? Отвлекают моё внимание от любимой бабушки?» – подумал цезарь и воскликнул:

– Изыдите, дьяволицы... эээ... *дивицы-дэвицы!* Да, именно *дивицы*, а не девицы! *Мы с вами вместе не служили!*

Свита Юноны, словно оскорбившись до глубины души, синхронно оскалилась и мгновенно исчезла: обе Богини будто растворились, рассеялись, став общей с ключьями облаков дымкой. Вечность есть вечность, а бесконечность есть бесконечность: откуда ушли, туда и придём – и вовсе не потому, что земля круглая.

Взор Галерия поблуждал по облакам, но тут же снова переметнулся на Юнону или на то сверхъестественное существо, в котором ему чудилась всемогущая хозяйка Олимпа. Царица небесная!

– Почему же ты всё молчишь и молчишь, великая супруга Юпитера?

Ответа не последовало. Но молчание не означало знака согласия, как не означало и обратного: *о, сколько нам открытий чудных готовит просвещение дух!*

– Ты Юнона? Ты меня не обманываешь? – повторил свой вопрос цезарь, уже тише, но с той же то ли затаённой, то ли с открытой надеждой, питающей не обязательно одних лишь юношей, но и мужчин в полном расцвете лет. – Ты и Луцина, ты и Соспита, ты и Календария, ты и Румина, ты и Фульгура, ты и Монета, ты и Оссипага? Вон у меня сколько вопросов накопилось, а я свёл их в один. *Дай ответ. Не даёт ответа.* Кто ты? Скажи «да»!

Образ Божественного существа, энергетического сгустка, бестелесного духа, источающего *тонкие тельца*, весь в туманной белёсой дымке, словно сотканный из звёздно-лунного гало-сияния, вдруг исчез в одном краю неба и проявился, вспыхнув в противоположном. И так

повторилось несколько раз: *всё*, покобенься и повертевшись, *возвращается на круги своя*. То ли мерцание, то ли *молчание ягнят*. И опять пошла плясать *губерния*. Светомызкой.

– *Куда несёшься ты? Дай ответ!* Не уклоняйся от ответа и от ответственности! Ну-ка быстро метнулась!

И вдруг в небесах засияло четыре Юоны, тут же многократно и бесщётно отражённых в водах переливающегося серебром ночного озера: превеликое множество цариц небесных. Пошалив, позабавившись и покуролесив, не *разливая аннуикиного масла*, весь легион Юон снова собрался в один пучок – в единую и неделимую, как Рим, Небожительницу. Луна и её многочисленные эманации, оставаясь великолепной четвёркой, в момент затмились.

«Так-то лучше! Есть одна точка входа!» – подумал Галерий, не осознавая собственного кошунства.

Женщина не от мира сего продолжала цвести в гранитной улыбке, но ни единым словом с Галерием так и не обмолвилась, лишь рукой по небосводу плеснула: мол, *милый мой, хороший, догадайся сам*. И словно растворилась в яркой гало-синеве: так, плеснув по воде, уходят только в открытое море, но не в замкнутое горное озеро. Да и была ли? *Будто вовсе не бывало*. Настоящая шамаханская не девица, но царица Олимпа: *что хочу, то и ворочу!*

Видения-галлюцинации императора развеялись, прекратились: Боги дали – Боги и взяли.

«А была ли Юона? – задал себе вопрос цезарь. – Но кто-то же был! Не мальчик же и не муж!»

Галерий вспомнил, как когда-то была удивлена Божественная дама, что первой явила ему свой олимпийский лик. Может, по второму разу – это уже чересчур для могучей Богини, коли иные Боги не желают снисходить до цезаря? Западло? Она ведь до сих пор так и оставалась единственным *вторично открывшимся* ему, смертному, Божеством. Что-то будто подсказывало, то ли извне и свыше, то ли изнутри, но не снизу: «Ты им сам *откройся*, как *сим-сим*, *отдайся*, не *дуйся* и не *стесняйся*, и после этого все они тоже тебе явятся. Сами понабегут – не будешь успевать отрешиваться. Открылся же ты Юоне – и она не испугалась, не побрезговала, явилась — не запылилась, даже если это и была не она, а всего лишь насланный Гипносом или Морфеем сон. Начни хоть с Фавна, хоть с Аполлона, хоть с парнасских Муз. Откройся им! *Будь проще* – и Боги *к тебе потянутся!*»

– Зачем мне открываться Фавну или Музам, коли Юона явилась мне второй раз, а ещё две Богини, которых я прогнал, открылись в первый? Минерва и Церера – сами, я их не звал! – в гордыне своей прокричал Галерий в небеса. Словно против чего-то или кого-то протестовал.

Вышины безмолвствовали, как иногда (а то и зачастую) это делает народ.

Четыре луны тем временем тоже *разотмелись*, но устали и скукожились, свернувшись в одну. Следом и полный диск возвратился в образ серпа-полумесяца: словно вытянутая металлическая спираль резко сжалась и вернула свою сущность в исходное с вечера положение. Видимо, это Артемида не смела больше открыто конкурировать с Юоной, пикироваться с ней и ей противоречить. В общем, проиграла конкуренцию, обиделась и замкнулась в себе.

Краски ночи меркли и приготовились без боя уступить своё место краскам дня.

Богиня Нюкта сдвинулась с места и вознамерилась, покинув мир смертных, переместить свой энергетический сгусток в родной Тартар: она, добросовестно *отстояв службу*, как и другие, подустала, требовался отдых. Земная твердь имперской Малой Азии, Ближнего Востока, Запада, Африки и всей остальной Вселенной приготовилась встретить очередной единый и неделимый римский рассвет подобно тому, как в далёком грядущем его встретят всего лишь *холмы Грузии*. *Природа*, отклоняясь от плеч цезаря, постепенно начала прикрывать от него свои то ли *детские*, то ли древние *секреты*. Забрезжили признаки и призраки безжалостно надвинувшегося утра. Сказки, мифы, легенды и сны отступали.

«Со мною вот что происходит: ко мне мой старый друг не ходит, а ходят в мелкой суете *разнообразные не те*», – находясь в состоянии нирваны, подумал Галерий, сам не осознавая,

что мыслит в этот момент не о Юноне-Гере и не об одном ином Божестве, кроме как о Фавне-Пане. О нём, козлорогом и козлокопытном.

Тут же явился энергетический сгусток незатейливого и добродушного Бога лесов, лугов, полей и пастбищ, нутром почуявшего, что о нём наконец-то вспомнили и хотя бы мысленно *призвали к ответу*.

– Я тут! Ты хотел видеть и слышать меня, смертный? Но ты не мой собственник! Не владелец, не пользователь и не распорядитель! Поэтому не жди вопросительных слов: мол, *что, новый хозяин надо?* Это ты – моё творение! Не Петра, а моих рук! И даже не рук, а моего святого духа! *Я тебя слепил из того, что было, а потом, что было, то и полюбил!* Я имею право на всего тебя без остатка. Ты должен меня слушаться. Надеюсь, ты соскучился по мне? Или по иллирийским пастбищам? Или по дакийским? Впрочем, я и пастбища, разве что не иллирийские и не дакийские, – это почти одно и то же, два сапога пара, ибо всё равно... ни Иллирия, ни Дакия не есть мой Лациум. Ну, говори же, что от меня хотел?!

Затем прискакал Бог Приап-Мутин: *незванный гость хуже* персиянина – этому тоже привиделось, что зван и у Галерия в почёте. Удивительное было Божество, не для приличных домов и общества – о нём мы ещё прочитаем и узнаем!

– Пойди вон отсюда! – прикрикнул Фавн на своего Божественного собрата. – Галерий – мой воспитанник, я с детства обучал его только хорошему, а ты теперь за одну неполную ночь, да ещё под самое утро, хочешь испортить взращённое годами? Ах ты, демон разложения, разврата и изврата! Прочь! Чтоб глаза мои больше тебя не видели! От тебя одни беды и сублимации! Не устраивай тут сексуальных революций и контрибуций, без них мир будет намного проще и чище! Жалкий ты предшественник Фрейды! Твоё место – рядом с нечестивыми персидскими дэвами-дивами! Пшёл вон, я сказал! *Брысь под лавку!*

Приап огляделся, пригляделся, но, ничего не поняв, решил, что его жестоко разыгрывают:

– Тут нет никаких лавок. Похоже, хозяйственные и коммунальные службы смертных даже в столичном регионе работают никудышно. Бездельники и воры! Коррупционеры! Откатчики! Я бы давно всех поувольнял без выходного пособия! Нету тут лавок, даже присесть негде усталому путнику!

– Тогда просто сгинь отсюда!

Приап оказался сегодня не столько Мутином, сколько невероятно покладист (возможно, тоже с недосыпа), поэтому не стал возражать и быстро удалил свой энергетический сгусток в одну из частных эллинских кумирен на полуострове Троада в малоазийской области Мизия, где он в любое время ночи всегда был люб почитателям и посетителям – местность и само святилище располагались совсем недалеко от Никомедии. Время Приапа развернуться на полную мощь в судьбе римского императора Галерия, похоже, ещё не пришло.

Цезарь в последний раз оглядел небесное и подводное великолепие: «А ведь тут можно построить загородную резиденцию и создать кооператив! Как же я раньше-то про кооператив не сообразил?! Не мудрствуя лукаво, прямо так его и назвать – «Озеро», в будущем пригодится! Ах, какой же в водоёме чудный лес! Ах, каким будет кооператив при нём! Пальчики оближешь! *Дай встать на цыпочки в твоём лесу!*»

Но в воду не вошёл. Его потянуло в сон – это наконец-то, пусть и припоздав, заактивничали Боги грёз: Гипнос-Морс со своим сыном Морфеем. Пора было возвращаться в Никомедию и брать бразды правления державой в свои пусть и порезанные травой, но крепкие и уже оправившиеся от онемения руки. Галерий встряхнулся, вскочил на коня и во весь опор погнал его обратно в сторону города: «*Сяду я верхом на коня, ты неси по полю меня, по бескрайнему полю моему...*»

Светало. Забрел рассвет. Это Богиня Гемера стала выбираться из Тартара, в бездну которого в эти же моменты перемещала себя то ли её сестра, то ли мать Нюкта. Римский Восток

загорался *зарёю новой*. В долинах, на равнинах и по холмам пушек не грохотало – их ещё не изобрели, поэтому *дым багровый к небесам навстречу утренним лучам* не восходил. Вокруг было тихо – кажется, даже неугомонный барсук отключился и уснул. А вместе с ним за компанию и бурундук.

«Дай-ка я разок посмотрю, где рождает поле зарю, ай, брусничный цвет, алый да рас-свет, али есть то место, али его нет, – наигрывали остатки ночной мелодичной романтики в полусонном сознании Галерия. – Есть такое место! Есть! И я теперь о нём знаю. Почему же я раньше его не замечал, ведь не один уже раз бывал здесь! Вот стоило этому месту меня сегодня ночью притянуть, затянуть и втянуть в себя и – вот те раз – теперь знаю!».

И вот тогда – из слёз, из темноты, из бедного невежества бывшего друзей его прекрасные черты появятся и растворятся снова. Это будет тогда, когда обнаружатся сами друзья, ибо без друзей не бывает и их черт. У Галерия настоящих друзей не было, был только начальствующий исправитель, подданные и рабы. Ну, разве что ещё те, кого с натяжкой можно было назвать деловыми партнёрами.

В воздухе кружилась жёлтая, прилетевшая невеста откуда, листва. Возможно, с северов Гипербореи. Мчавшегося галопом-карьером скакуна ей, листве, было не догнать, как и *бешеной тройки* из грядущего. Затаптывалась копытами, жухла и сгнивала.

– Это было Божественное самопознание, – много позже скажет Валерия мужу, когда он, расслабившись и снова сорвавшись в рефлексии, ненароком поделится с ней воспоминаниями о том, как однажды ночью вышел в поле с конём. – Ты внутренне готов принять благодать, теперь надо осознанно делать первый шаг и семимильно двигаться дальше!

– Куда?

– Только вперёд, к Спасителю!

«К Нацлидерству!» – в ответ подумает тогда Галерий и скрежетнёт зубами в дикой злобе и ненависти к галилеянам.

Гипнотические сказания-1 о Царе царей Ардашире

«Я однажды кувшин говорящий купил.
“Был я шахом! – кувшин безутешно вопил. —
Стал я прахом. Гончар меня вызвал из праха,
Сделал бывшего шаха утехой кутил”...».
Омар Хайям. Рубайят

Спустя несколько дней после бегства с армянских гор и предгорий шахиншах Нарсе-Нарсес, добравшись, наконец, до предместий своей столицы и терпеливо дождавшись полуночи, под покровом тёмного времени суток в сопровождении хорошо оплачиваемой личной охраны из *бессмертных* тайно въехал в Ктесифон. Случайно попадавшиеся на пути прохожие, полуночники и *совы*, тут же, не успев ойкнуть, охнуть, вздохнуть и крикнуть, отправлялись на тот свет поближе к справедливому и всеведущему Ахура Мазде: Великий Авестиец хранил покой праведников.

На следующее утро десятки вышколенных и проинструктированных глашатаев со счастливыми выражениями лиц вывалили на улицы ирано-персидской столицы и разнесли *благу*ю *весть* о великой победе Царя царей над нечестивыми безбожниками из насквозь прогнившего западного закордонья.

Отдав единственный приказ заняться вызволением из плена своей семьи и гарема как её составной части, сам шахиншах заперся в покоях дворца-резиденции, не желая ни видеть, ни слышать никого из высших сановников, державно-чиновных мужей и толпы советников-прихлебателей, и три ночи подряд до самых рассветов слушал чудесные легенды и сказки об одном беспримерном отцовском подвиге, превосходящем по эпичности, романтичности и мифичности все двенадцать подвигов варвара Геракла. Утренними зорями повелитель Ирана и не-Ирана в дворцовом саду у водоёма слушал щебетание певчих птиц, а днями отсыпался, *вдрызг* разрушив весь свой прежний алгоритм и образ жизни.

И хотя в новые, далеко отстоящие от Шапура Первого времена, виртуальное чучело из ночных грёз поверженного Нарсе так и не стало реальным, сказителей и свидетелей у шахиншаха не только не убавилось, а *полку* даже *прибыло*: кого отыскивали, тех в царские чертоги ближе к ночи и сгоняли со всех кварталов столицы и её окрестностей. Сказки о минувших днях и битвах, где рубились иные, которых нет и кто теперь далече, всегда ласкают слух и успокаивают нервы любых аутсайдеров, соотносящих себя с чужой славой: репутация предков запросто присваивается потомками, коли *своя рожка крива*.

– *Верую, ибо абсурдно!* – по часовой стрелке проворачиваясь вокруг своей оси, пытался в чём-то убедить сам себя Царь царей: – Старею?

«Кто-то из вашего окружения на этом даже неплохо заработал», – непроизвольно свербило в его памяти, но Нарсе старался гнать от себя воспоминания о древнем старике, которого некогда приказал растерзать, как и вымарать из своей головы его лживые рассказы о будто бы поддельном чучеле римского императора Валериана.

«Из тысяч лиц узнал бы я этого старикашку, да как зовут, забыл его спросить», – мелькнуло в извилинах шахиншаха. Неспроста и не напрасно мелькнуло – это не было банальным совпадением.

На пятые сутки Царь царей *вдрызг* восстановил прежний алгоритм и образ своей жизни и стал засыпать по ночам, где своего часа его поджидала ловушка: окно Овертона. Спал беспокойно, снились кошмары и назойливые дэвы-дивы: *цветы зла*.

В одну из ночей не по адресу, словно заплутав в территориально-конфессиональном пространстве бытия, в опочивальню к Нарсе, оставив сиротой свою пещерку вечной тьмы, энер-

гетическими сгустками явились нечестивые римско-греческие Боги Гипнос и Морфей: редко разлучающиеся друг с другом отец и сын. Но они не заблудились, просто знали, кому в неэллинском мире сейчас, чтобы отвлечься и забыться, больше всего требовались тихие добрые слова, психологическая помощь, разгрузка, поглаживание по шёрстке, а главное — *слабительное*, маковое зелье-снадобье.

«А вдруг мои предки, дедушка Ардашир и батюшка Шапур побеждали ровно так же, как вчера казённые глашатаи растрезвонили о моей виктории?!», — подумал Царь царей, ещё глубже впадая в беспокойное забытье, но в блаженные грёзы.

— Я — вестник Юпитера-Зевса, — шёпотом прошелестел Гипнос на ухо шахиншаху: — Но могу быть и вестником Ахура Мазды. Могу стать и самим Великим Авестийцем, ты только расслабься и получи удовольствие. Выпей этого волшебного напитка — тебе станет легче, боль и страдание отступят, отпустят, наступят расслабление и покой! Без напрягов, пожалуйста, не дёргайся во сне! Я же не о вечном покое веду речь! Только не подумай, что это земной энергетический напиток по рецептам прощелыг и химиков-алхимиков. Это маковый сок. Он варится по особому рецепту, о котором никто из смертных не ведаёт. Выпей, не бойся и не стесняйся! Хотя бы пару-тройку глотков. Ну, пригуби же кубок, бояка! После этого ночь обретёт для тебя новые радужные краски, которых ты прежде никогда не видывал. Ты сможешь разглядеть и различить даже не пятьдесят, а сто *пятьдесят оттенков серого*. Тысячу пятьсот, кто больше? Перед тобой сразу откроются мои сдвоенные ворота в мир блаженства и в неведомые дали, пусть там и будет сплошная чернота. То чувство, которое в сей миг кажется тебе блаженством — это тьфу по сравнению с тем, которое испытаешь, глотнув моего напитка. Ты же истинный перс, парфянин... эээ... иранец, ариец, Сасанид! Перед твоим врагом, Галерием, в детстве звучала эта... ну, или почти такая же речь, пусть он, сельский рогуль, её и не слышал. Правда, и озвучивалась она не мной. И не маковый сок *для сугреву* предлагался, а олимпийский нектар. Но ремейки — это благо, ибо *повторенье — мать ученья* для новых учеников, адептов и поклонников-волонтёров. Глотни же напиток, и ты сможешь пойти по победным стопам счастливец... эээ... нечестивца Галерия! Испив, ты сможешь так забыться и отвлечься, что впадёшь в детство... эээ... на счастливые мгновения станешь ребёнком, каковым был когда-то твой богомерзкий враг, нет, он уже вовсе никакой не враг тебе и даже не соперник, а твой новый кумир Галерий! Он брат тебе во Юпитере... эээ... в Ахуре Мазде! В обоих сразу! Мысли логически, слушай и слушайся меня, и существуй! Только нам, Богам, позволено мыслить алогично, выдавая любой бред за безупречную математическую логику!

Морфей, стоя подле Бога-отца, напряжённо молчал, нахмурившись и скривив в недовольстве нос. Не имея за плечами такой мудрости и такого опыта, какими обладал его отец, он и не ведал, как вести интеллектуальные *гибридные войны*, запутывая нити Ариадны таким манером, чтобы потом только самому суметь их распутать: ловкость слов, парадигм и фраз — и никакого мошенничества.

— Я дважды усыплял Зевса по просьбе его супруги, Божественной Геры-Юноны, — обволакивал персиянина словесной сетью Гипнос. — Один раз — когда она почём зря гнобила Геракла, которому благоволил Зевс. Второй — чтобы греки-ахейцы в решающей битве разгромили троянцев, чего не желал принять Громовержец. Может, и ещё что-то было, но всех усыплений за свою вечность и бессмертность не упомнишь. Моя жизнь бесконечна, и одно событие накладывается в памяти на другое. От гнева нашего олимпийского начальника меня вечно выручала моя матушка, Зевс её всегда почитал по непонятной мне причине. Впрочем, догадываюсь, по какой, но тебе не скажу, не твоего заднего ума это дело! А Гера в качестве бартера пообещала мне в жёны свою дочь от Бога Диониса, младшую хариту Пасифею, Богиню радости и бурного веселья. И ведь не обманула — отдала, передала из рук в руки: знала, как я в молодуху влюблён! С тех пор я радостен, добр и снисходителен ко всем и ко всему сущему. Не верь досужим наговорам, что Пасифея — нимфа-нереида, она — харита, запомни это сладкое слово! А уж коли

я усыплял Зевса, усыплю и Ахуру Мазду, ты только поверь в меня и сам засыпай, ибо я и есть твоё Авестийское Божество! А если уж Ахура Мазда уснёт, никуда не денется, то и ты спи-отдыхай! Ночь на дворе, баю-бай! Из моей пещеры течёт родник забвения. Это неспроста! И ты знай, что царствование – тлен! Это тебе в любой момент подтвердит мой брат-близнец Танатос. Ты достигнешь победы в иной сфере, нежели в роли державного владыки! Спи! Не держись за корону, зороастриец! И уверуй теперь в меня, а также в Юпитера-Зевса, Громовержца! Тогда и ты, подобно твоему брату и кумиру Галерию, узрешь на себе благосклонный взгляд супруги Юпитера, Божественной Юноны-Геры! Пусть и ближе к старости, раз в детстве у тебя с ней взаимности не сложилось.

Нарсе уже погрузился в бездну грёз, а сдвоенные ворота – ни роговые, ни смастряченные из слоновой кости – перед ним всё никак не разверзались: заснул, так и не пройдя сквозь мифически-античный портал. Вещие и ложные сны из ворот тоже не вылетали: ни гора – к Магомеду, ни Магомед – к горе. Течение жизни нарушалось: застой всегда чреват стагнацией, заболачиванием и загниванием.

– Римские Боги – это вовсе не Боги, а люди с человеческими страстями. Истинный Бог только праведный Ахура Мазда! – во сне воскликнул Нарсе, как будто сопротивляясь дэвам-дивам, злым зороастрийско-авестийским духам, после чего перешёл на речь-скороговорку и забубнил. – Эллада – провинция моей страны, это издревле часть моей державы! Наши древние цари Ахемениды завоевали Грецию. Ну, или почти завоевали, разница небольшая. Мы были владыками мира благодаря труду ратному! О древний Ксеркс Ахеменид, ты мир! Весь античный мир! А все эллины Малой Азии были нашими гражданами... эээ... подданными и рабами. И никаких трёхсот спартанцев никогда в помине не было, сказки всё это! Я подобные рассказы три ночи подряд недавно выслушивал. Не могу больше! Правды хочу! Я – как заново рождённый! Из пепла...

– Ты спи, спи, расслабься и не болтай лишнего, ибо спартанцы были, есть и будут у любого народа, кроме персов! Юпитер тоже *жил, жив и будет жить*! – доброжелательно улыбнулся Гипнос, потряхивая в руке дремотным цветочным букетом из пурпурных маков. – Я с Морфеем потому к тебе и пришёл, что мы – твои Боги, а никакой не Ахура Мазда. Не зря же я сын ночной темноты Нюкты и вечного мрака Эреба! Думаешь, совпадение? Не думай! Вообще ни о чём не думай, а пей маковый сок кубками! *Дают – бери, бьют – беги*! Глотай зелье, нечестивец ты эдакий, кому говорят! Сейчас ты в моей власти! Эх, дурья твоя голова! Глотай, а не то утоплю в этой бурде!

«Просто хаос какой-то! – во сне проскакал *мысью-мыслью по древу* Нарсе: – Что со мной происходит? Где я? Что у меня в голове и с головой? Кто капает мне на извилины и вынимает мозги из черепа? У меня стокгольмский, травматический или посттравматический синдром? Или все беды сразу свалились на мою дурью... эээ... разумную голову? Ахура Мазда, помилуй мя! Изыдьте, дэвы-дивы! Что за хаос кругом?!».

– Да, Хаос! Именно он! Как же ты прав! Сам отыскал одну из вечных истин! Мы все от него произошли: Хаос – мой дедушка, а Нюкта и Эреб – его родные дети, следовательно, меж собой не только муж и жена, но и брат с сестрой. Мы, Боги, сами себе многократно родственники в разных ипостасях: дедушки, бабушки, мужья, жёны, братья, сёстры, дети, внуки, правнуки и праправнуки в разных комбинациях и вариациях. Ты вот, хоть и смертный, тоже чей-то отец, сын, муж, зять, сват, у тебя в жизни тоже много ролей. И ты их играешь. Порой – бездарно, но играешь. *Весь мир – театр, и люди в нём – актёры*! И как же ты умудрился заснуть, не пройдя сквозь мои ворота? Ни одни, ни другие я ещё не отворял, а ты даже не попытался в них постучаться. Мои посланники-сны из створок опять же не вылетали. – Гипнос обращался к спящему, но вопросительно смотрел на Бога-сына, как будто именно его то ли о чём-то спрашивая, то ли в чём-то обвиняя. – Как проник в бездну снов?

– И я не отпирал ворот, – подтверждая, воскликнул Морфей, занервничав и заёрзав, будто от боли и словно ему подложили на стул кнопку, а он на неё, не разглядев подлянки, со всего размаху уселся и, подобно смертному, почувал неудобство.

– Зря ты перелез через закрытые ворота, подполз под них или обошёл то ли с правой, то ли с левой стороны, – Гипнос снова перевёл взгляд на Нарсе. – Есть у меня для тебя один кейс, чтобы ты окончательно убедился, насколько был неправ. *Жил да был чёрный кот за углом...* эээ... царь Фессалии по имени Кеик. И за не углом, а в своих чертогах. У него была любимая супруга, царица Алкиона. Кеик истово и неистово почитал Богов и часто через прорицателей-оракулов испрашивал у нас совета, как поступить. Вот однажды на углу судне, такое уж подвернулось ему под руку, он отплыл в Дельфы, понадеявшись на вечное римское авось... эээ... на древнюю посконную Богиню Авось. Эта Богиня – всем иранцам и не-иранцам Богиня! Вообще, я тебе скажу, эллины-фессалийцы любили эллинов-дельфийцев. Даже в Первую Священную войну (по сути, для греков гражданскую, хотя они ещё сами этого не осознавали) Фессалия поддерживала Дельфы. Так вот, Кеик поплыл к дельфийскому оракулу за пророчеством, а надо было топтать пешком, своими ножками без присказок про «не царское это дело». Алкиона провожала его, стоя на песчаном, а может, и на каменистом берегу до тех пор, пока в тумане моря голубом белел, а потом совсем ни исчез из вида *парус одинокий*. Пусть вместо паруса и были вёсла гребцов. Потом царица, словно безумная, молилась и днём, и ночью, и даже на ночь глядя, как Дездемона, чтобы мы, Боги, даровали её мужу удачу и чтобы он вернулся живым и здоровым, не сгинув в водяной гибели. Но стихия есть стихия, никого не щадит. Разыгралась буря, *покрыв мглою небо* и закрутив вихри, профильные Боги удачи не даровали: мало нам жертвовал этот Кеик из-за своей жадности, надо было лучше ублажать! Да, морской владыка Посейдон-Нептун – он такой! Ему палец в рот не клади, он Бог строгий! С ним особо *делиться надо!* Впрочем, вместо Посейдона постарались Юпитер-Зевс с Юноной-Герой. Не спрашивай, почему они – это Божеского ума дело! И царь Кеик утонул, царство ему небесное... эээ... вернее, подземное у Аида-Плутона, Бога царства мёртвых! Царица Фессалии этого не ведала и каждый Божий день с рассвета до заката продолжала, как на работу, ходить к морю, простаивать и просиживать свою тунику на его берегу, надеясь узреть приближающийся белый парус. Никто из профильных Богов, видя чувства и безмерные страдания Алкионы, не решался сообщить ей об утрате. Вообще-то это природная функция Гермеса-Меркурия, но он отлынивал от исполнения своих прямых обязанностей, найдя отговорку, что служит вестником-переносчиком информации не из уст в уста, а от Богов к Богам. Тогда я, даже не переодеваясь в белый фрак, вышел вперёд, взял всю ответственность на себя и послал ей сон, который проскочил через роговые ворота. В грёзах царица увидела, что её супруг утонул в водяной гибели и его выбросило волной на берег, где она ранее простаивала и просиживала. Алкиона в один миг проснулась и ринулась к морю, не одеваясь, нагая, в чём мать родила. Сон оказался правдивым, как мной и предполагалось: у роговых ворот такая судьба – показывать смертным вещие сны. Царица так обожала своего мужа, что не могла жить без него ни одной секунды. Она тоже бросилась в море и утопилась. Это была сильная женщина со свободной волей. Галилеянин и его адепты её бы не поняли и осудили, а мы, Боги-Олимпийцы, – нет. Мы ей сочувствовали и скорбели. *Нет повести печальнее на свете, чем о царях Фессалии в куплете...* эээ... в сонете и на рассвете в газете. О царях, попавших ненароком в Божьи сети. Чтобы супруги больше не разлучались, мы, Олимпийцы, превратили Кеика и Алкиону в птиц-зимородков. С тех пор фессалийские царь и царица в образе пернатых витают в небесах и предупреждают моряков о грядущих бурях и штормах. Сколько жизней они спасли своими сигнальными тревожными криками! Сотни, тысячи, их *тьмы, и тьмы, и тьмы!* Вот и Галилеянин тоже никогда бы не понял, что бывают и такие причинно-следственные связи. Логика – всему голова. Теперь ты уже уверовал в меня, смертный? Тебе осталось сделать всего пару шагов, чтобы из нечестивца превратиться в честивца... эээ... в праведника!

Неожиданно раздался звон бьющейся керамики: эти звуковые волны оказались доступны уху Богов, но как ультразвук не воспринимаемы человеческим слухом. Гипнос взглянул на сына: Морфей, преобразившись в ребёнка с крылышками, уже мирно спал, а рядом с ним сиротливо лежали осколки разбитой вазы и несчастные, хаотично рассыпавшиеся вокруг пурпурные маки.

«Прямо как настоящий ангел! Истинный и посконный! Но не стоит впадать в детство, сын, даже если тебя таковым видят смертные окружающие и увековечивают именно в этом образе. Впрочем, всегда стремись к лучшему, но готовься ко всякому, ибо всё равно попадёшь в тишь, в глушь, в Божью благодать и в пыль библиотек! – подумал любящий отец, ненадолго, но проникновенно заглядевшись на своё талантливое чадо: дело не терпело отлагательств, а родительское неевнуховое чувство могло подождать до утра. – На Юпитера надейся, но сам, как такой же Бог, пусть и не статусный, не плошай! Какое прекрасное слово – плошать, *это сладкое слово – свобода!* В неопределённой форме-инфинитиве и в определённом женском роде! Самому бы не запутаться, о чём это я сейчас *мыслю, следовательно, существую*».

Бог-сын тихо-мирно спал, по-детски посапывая носом. И Божество-родитель снова сосредоточилось на обработке пока что нечестивого смертного:

– Раз ты всё равно не ходил через мои ворота, в полном объёме открою тебе тайну, которую не раскрыл даже твоему любимому, пусть и не кровному, но духовному брату и новому кумиру, Галерию. *Часть снов, о странник, вещими бывает, другим – увя!* – не сбыться никогда. Из двух дверей они к нам прилетают – из рога первая: к нам отсюда являются несбыточные сны. Другая ж – из резной слоновой кости. И те, что пролетают в дверь из кости, со временем в реальность воплотятся.

Нарсе во сне о чём-то вспомнил, вздрогнул и замахал руками, словно *тот самый* Галерий, но точно не Мюнхгаузен, а именно Галерий, который, случилось, впадал в роль малохолного ботаника.

– Так говорил твой пророк *Заратустра*, даже если это и был Гомер, – заключил Гипнос. – Срочно уверуй в меня, а также в Юпитера-Зевса и в прочих Богов-Олимпийцев! Сколько мне ещё перед тобой тут распинаться?!

«Что за дикие и диковинные образы вторгаются в мой мозг? Что они творят и вытворяют со мной? Изыдите, дэвы-дивы, порождённые Ариманом! Прочь Злой Помысел-Акем Мана, Насилие-Индра, Подлость-Саурва, Распущенность-Буити, Скверна-Насу, Ярость-Аэшма, Высокомерие-Таромаити, Болезнь-Таурви, Смерть-Заурви! Я не почитаю дэвов, как и завещал великий Ксеркс Ахеменид! Может, мне тоже пора выпороть море? Не самому выпороть, а приказать это сделать!», – мысленно завопил спящий шашиншах, в реальности лишь шевеля губами, но вновь и вновь малохолно размахивая руками.

– Ты хочешь узнать, зачем я тебе всё это рассказываю? – по-доброму, как удав, улыбнулся Гипнос. – Да просто, потому что во время греко-персидских войн Фессалия была на стороне Персии! Чувствуешь глубокий смысл? Может, настал час для Персии встать на сторону Рима? Ибо Эллада – это теперь тоже Рим, его составная часть вместе с Фессалией! Уверуй в меня и в Олимпийцев без огня, меча, насилия и без инквизиции! Не уверуешь – испортишь будущее всего человечества!

Морфей, пребывая в зевоте, дремоте и грёзах, то ли доволен, то ли недоволен засопел, словно реагируя на речи Бога-отца и сам пока не разобравшись в своих оценках, хотя и сделал их уже прежде.

– Мы едины и неделимы! Именно поэтому сегодня Иран, как и не-Иран, должен принять нас, Богов Рима и Эллады! – в очередной раз резюмировал Гипнос свою мысль, основанную на странной нелинейной логике. – Ты же жаждешь, чтобы Персия и Эллада были единой и неделимой державой? Так уверуй в меня и в моих братьев-Олимпийцев! И отрекись от короны шашиншахов! Уйди, например, в монастырь, передай свою корону сыну! Только не говори мне,

что в Иране и не-Иране нет монастырей! Если нет, можно прямо завтра соорудить! Для тебя это будет великий проект, национальный, как и стройка в Бушере! А от галилеянства до олимпийского спокойствия... эээ... язычества – один шаг! Вот тогда все твои граждане... эээ... подданные и рабы заживут! И мы с тобой *заживём, как люди!*

Морфей внезапно пробудился, начав проникать в глубины, в стратегические и тактические планы отца: кто кого перегибридит в виртуальном сражении и перевиртуалит в гибридной войне? Бог – чуждого ему смертного, или смертный – чуждого ему Бога?

Горькая сладость восприятия жизни шахиншахом всего лишь за одну ночь метафизического общения с римско-эллиническим Божеством сна переросла в тупую сомнамбулическую, но сладостную ирано-персидскую горечь (Сомн был Гипносом). Куда несёшься ты, Персия, вместе с летящим во весь опор Римом? Реальность стала брать своё, грёзы рассеивались, а спокойно-философское безразличие лишь нарастало: к старости пора уметь, ибо с возрастом жизнь сужается.

Пробудившись, Нарсе первым делом отдал распоряжение разузнать, что стало с Валерианом, *позором Рима*, и его останками. Ответ был наготове уже много лет, просто раньше им никто не интересовался:

– Римлянин умер, а его прах, согласно воле вашего отца, Шапура Первого, должен сохраняться в Иране и не-Иране три с половиной века, после чего может, точнее, должен быть передан ромеям для погребения и вечного успокоения на Родине, – [действительно, спустя столетия, после тяжёлой двадцатилетней римско-персидской войны, один из последних иранских Сасанидов Кавад II, свергший своего отца Хосрова незадолго до арабского нашествия и падения державного Ирана и не-Ирана, благородно-принудительно возвратил восточно-ромейскому императору Ираклию то, что осталось от праха императора Валериана: останки несчастного обрели родимую землю].

– Где они хранятся?

– Их выкрасили в пурпурный багрянец, отдав, таким образом, последние почести усопшему. Тому, кто по воле случая и Ахура Мазды вознёсся на трон и по этой же воле онесчастился.

– Я спросил, где обрели свой промежуточный покой кости Валериана, а не в какой цвет их разукрасили?

– Это знание теперь сакрально, и им владеют только манихеи.

– Кто конкретно из манихеев? Имена, фамилии, явки!

– А вот этого не знает никто, мой повелитель... эээ... никто из смертных, но ныне живущих! Даже я не в курсе. Великий Шапур Сасанид доверил тайну лишь пророку-Аршакиду по имени Мани, которого нет с нами уже больше двух десятков лет. Кому из своих адептов основатель манихейства в свою очередь передал сию сакральность, ведает теперь только Ахура Мазда... ну, может, ещё и две манихейские Божественные силы: Свет и Мрак. Там даже дэвиды без бутылки... эээ... без амфоры и кубка не разберутся и ногу сломят.

– А если всех манихеев собрать в одном месте в одну кучу и попытать их *тихим добрым словом*? Языки-то и развяжутся!

– Явных собрать несложно, их десятки, может, сотни. Тайных в державе – гораздо больше, ещё сильнее затаятся, а искомого не получим.

И Царь царей унялся в хотелках, не солоно хлебавши.

На шестые сутки после прибытия в Ктесифон шахиншах разогнал полки сказителей и свидетелей, отправив на плахи тех, кто не успел сбежать в Рим или заблаговременно скрыться, перейдя на нелегальное положение, и распорядился очистить свою музейную коллекцию от никому не нужного хлама, стопорящего развитие инновационного будущего. Безымянное чучелко отправилось на помойку, откуда тут же было похищено каким-то шустрым и сообра-

зительным собирателем антикварной мумифицированной старины, владельцем *лавки древностей*, не уплатившим при этом в казну налог на краденый (а, следовательно, и теневой) доход.

– Больше в абсурд я не верую, но пусть он будет у тех и с теми, кто не хочет жить! – столь же энное число раз провернувшись против часовой стрелки, как прежде по часовой, отбросил прочь попытки самоутверждения, самоубеждения и самовнушения Нарсе.

«Я знаю, кто заработал на обмане меня! – наконец сделал самому себе признание Царь царей и прекратил гнать от себя, как муху, эту назойливую мысль. Однако её следовало хорошенько обдумать – и вовсе не на досуге. – Зачем я приказал растерзать того, кто *верой и правдой* служил моим предкам? Ведь он же человек... эээ... был человеком, а теперь не пойми кто! Впрочем, у него теперь тоже есть останки-прах, как у Валериана. Но останься он в живых, я узнал бы сейчас много субъективной, но эмпирической правды о дедушке и батюшке. Из первоисточника, а не от лгунов-сказочников!».

Шахиншах вспомнил, как приказал вырвать бедному старику-правдорубу сердце и принести его на золотом блюде, и поморщился: его впервые посетило чувство жалости и стыда. Это на подмогу душе Нарсеса прибыла сила Ахуры Мазды, сила Добра в образе Благого Помысла-Воху Маны. Нарсе попытался загасить в себе дискомфорт, но картинка прошлого не отпускала: память напоминала, как вельможные рабы, *жадной толпой стоящие у трона, свободы, гения и славы палачи*, доставили в тронный зал Царя царей огромную тарелку, на которой лежал ещё живой фиброзно-мышечный орган, пылающий *как солнце и ярче солнца*, затмивший блеск чистейшего благородного металла.

Шахиншах призвал к себе вазург-фраматора, главного министра великого визиря, но не успел разверзнуть небеса и собственные царские уста, как свой рот неподобающе распахнул его подданный:

– В элите и в народе буза. Вот скоты! Развели базар, что *Царь* царей – *не настоящий*, не Сасанид, а бастард. И даже не бастард, а родившийся от отпрыска римского евнуха, при этом проигравший битву и предательски пожертвовавший свой гарем в безвозмездное пользование нечестивцам-ромеям! И это ещё не все сплетни! Говорят даже, что якобы между вами и богомерзкими ромеями был или будет заключён *пакт Риббентрона-Молотова*, согласно которому мы сдадим победителям целых пять регионов, и наши посконные враги смогут пить воду из священной реки Тигр! Будто бы договор будет аж на сорок лет! – валяясь в ногах повелителя, срезал правду-матку главный министр, при этом, не забывая резко отстраниться от предателей, распространяющих лживые слухи. – Надо что-то делать! И срочно сделать!

– Ты знаешь, что? – опешил повелитель Ирана и не-Ирана от наглости, то ли забывшей, то ли вообще отбросившей прочь субординацию.

– Знаю! Я всё обо всём и обо всех знаю! – обрадовался вазург-фраматор тому, что Царь царей услышал его совет. – Сначала надо собрать выкуп для вызволения из плена вашего бездонно-безразмерного гарема и, извиняюсь, моих родственников. Я уже сигнализировал тревогу и согнал в одно место весь цвет верных мне фискалов, которые и будут собирать подати, дань и оброки. Они уже несколько суток стоят наизготовку и сами проголодались. Руки у них чешутся...

– Я же дал повеление вызволять. До сих пор не приступили? – Царь царей не удосужился слышать визиревых слов «моих» и «мне»: доверял – не проверял.

– Ждали ваших повелений на то, чтобы начать сбор выкупа. Это неподъёмная для державы сумма! Нужен был ваш толчок, ведь всем будет больно, а многим и смертельно: *как бы чего ни вышло* – какой-нибудь революции или переворота...

– Инертные! Пассивные! Повелеваю! Собирайте! Что ещё?

– Ещё надо вызволить Азармедохт, она тоже попала в плен, – словно, между прочим, пробубнил великий визирь, имевший виды на девушку, а потом и – чем чёрт не шутит! – на корону Сасанидов после Ормизда как прямого наследника Нарсеса или сразу вместо него.

Нарсе взвился, припрыгнув:

– Как? Снова плен? А говорят ещё, что *снаряд* катапульты *в одну и ту же воронку* два раза не попадает! Вызволяй Азармедохт в первую очередь, а потом уже всех остальных! Сколько надо выкупа, столько с людишек и сдери. Не стесняйся, как липку, обдирать всех подряд! Соскребай вместе с кожей! И с головами, если будут возникать! И перво-наперво – с олигархов, у них кожа толстая, с подкожным жирком! Если же и толстосумы начнут возражать, лупи их, как сидоровых коз! Отправляй на плахи всех несогласных! Руби головы! Лично руби, отделяя зёрна от плевел, мух от котлет, а ангцев от козлиц! – внешне в шахиншахе разыграл дэв ярости, Аэшма, но про себя же Нарсе спокойно и рационально подумал: «Азармедохт могла и просто пропасть, как шамаханская царица, будто её вовсе не бывало, она девушка такая, непредсказуемая и противоречивая». По ходу дела на рубеже принятия того или иного решения Нарсе учился становиться прагматиком, чтобы потом, после жирной точки в выборе решения, снова проникнуться то ли романтизмом, то ли сексизмом.

– Слушаюсь и повинуюсь. Однако не приведёт ли это не просто к бузе, но к бунтам, бессмысленным и беспощадным? А может, к перевороту и к революции! – словно вторично намекал и будто бы давил на мозоль или подталкивал повелителя к краю пропасти вазургфраматор: в иностранных агентах во всех державах недостатка сроду не наблюдалось.

– Это все твои знания о том, что надо делать. Это окончательное видение перспектив? – то ли с иронией, то ли с сарказмом, то ли с неподдельным интересом приподнял мохнатую бровь Царь царей, но ногой не топнул.

– У вас есть невероятно способный сын Ормизд! – то краснея, то бледнея и словно стесняясь, с трудом выговорил свою глубоко продуманную мысль главный министр Иранской державы, вобравшей в себя и не-Иранскую.

– Подними голову, а лучше – встань! *Вставай, проклятьем заклеймённый*, я сказал! Поднимайся! Это приказ! Родина в смертельной опасности, и в такие минуты нам не до субординаций! – прагматично усмехнулся Царь царей, *изображая грозу в начале мая, когда весенний, первый гром, как бы резвяся и играя, грохочет в небе голубом*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.